

WARHAMMER
40,000

DAN ABNETT

PLUS:

AARON DEMBSKI-BOWDEN

GRAHAM McNEILL

SANDY MITCHELL

AND OTHERS

SABBAT WORLDS

FEATURING GAUNT'S GHOSTS

МОГИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ И КАМЕННЫЕ КОРОЛИ

Мэтью Фаррер

-- Он летит сюда за Ним. На нем мажор, который будет Его исследовать.

Как только Ёпелл произнес эти слова, Ковинг Шек схватил его глиняными узловатыми

пальцами за грудки и отшвырнул, и он униженно рухнул в пыль меж двучосевших

слопанных механизмов. Ёпелл лежал, опираясь на локоть, закрыв глаза и чувствуя, как

темная рыжая каменная крошка, поднятая в воздух падением, оседает и пачкает его потную

кожу. Утро было прохладным, но двойная стена на кладбище в тяжелом рабочем комбинезоне

взяла свое, а бурлящая в животе стесняемость -- что его поймут и найдут поддельные

бумаги, что он не найдет Ковинга, и как

тот воспримет новости -- сделала
остальное. Уонелл

взмок, и от него воняло.

Начальник уже отвернулся и снова
выкрикивал приказы. Уонелл не стал
открывать глаза. В

бригаде рабочих произойдет еще один
несчастный случай, одно из этих точно
рассчитанных

фатальных происшествий. Ковинг
недостаточно доверял Уонеллу, чтобы
воспользоваться его

помощью в организации аварий. Сквозь
вязь металла он уже слышал испуганные
стоны

мужчин, которые должны были стать
жертвами случая. По какой-то причине все
они должны

были быть мужчинами. Уонелл как-то
вслух поинтересовался насчет этого, и
Ковинг пнул его

в живот так сильно, что он
перекувырнулся назад.

-- Магос, который будет Его исследовать, --

пробормотал он снова, с трудом
поднимаясь и

усаживаясь. Он сидел, широко раскинув
ноги в грязи, и чувствовал, как зудит
нависший над

ними живот. Ёпелл проговорил это
послание на старом ашекском диалекте, и
форма

местоимения, которая в нем
использовалась, имела весьма точный
набор оттенков значения.

Сложный суффикс демонстрировал
уважение к старшему, чья власть
происходила из-за

пределов семьи и феода говорящего,
интонации гласных передавали нюансы
соблюдения

Обычаев, Порядков и Традиций, а акценты
указывали на кузнечную работу и
таштинное

ремесло. Контекст подводил итог. Ёпелл
мог говорить только об одной вещи.

Ёпелл отклонился назад, посмотрел
вверх, меж смятых и потускневших

стальных каркасов, и

установился на маленькое темное пятно, зависшее высоко над ними. Оно походило на крошечную занозу, застрявшую в бледной коже, и висело так уже два дня; еще позавчера

можно было разглядеть только при сильном увеличении, через подзорный блок, который они

украли из гарнизона. Этот «Могильный камень» нигде не спешил.

Уопелл подумал, не следует ли ему испытывать большее беспокойство по этому поводу. В

конце концов, магос ведь собирается «исследовать». По крайней мере в низком готике это

слово было ближе всего по смыслу к ашекскому «к'сеоше», термину, который относился к

более сложному понятию. Он обозначал тщательный, умелый разбор, произведенный рукой и

разумом сведущего, однако ведомого

Боровскиими намерениями человека,
который желал

познать устройство, не имея на то
благословения Традиций, изучить
беззащитные секреты

машины против воли ее создателя,
вторгнуться в нее без всякого уважения и
стыда. Ковинг и

его люди были здесь именно для того,
чтобы защитить Его от подобного. Но
сейчас они

слабы, и прячутся с тех самых пор, как
сгорели ульи. Хватит ли у них сил?

Услышав крик, он опустил взгляд -- как раз
вовремя, чтобы увидеть, как кто-то из
жертв --

мужчина с чахлой бородкой -- пригибаясь,
выскользнул из-под протянутых к нему рук
одного

из бандитов Ковинга и пустился наутек.
Бежал он неуклюже, слишком просторная
рабочая

одежда хлопала по неловко ступающим
ногам и машущим туда-сюда руками. Рот

его был

распахнут от ужаса и напряжения. Одиноголоворез хотел было потчаться следом, но ил еще

надо было справиться с остальными жертвами, и под накренившейся машиной началась драка.

Ковинг ругался и орал.

-- Брат! -- выдохнул мужчина, приближаясь к Ёопеллу. -- Брат, они сошли с ума, беги отсюда!

Приведи солдат или проповедников, я не понимаю, что они...

И тут Ёопелл, хорошо рассчитав расстояние и скорость, вскочил с земли и ударом локтя

сломал ему челюсть. Перед лицом мелькнули ноги беглеца. Запрокинув голову, тот всем

телом рухнул наземь, подняв еще одно облако каменной крошки. Еще мгновение, и мускулистые руки рабочего и потащили обратно к сломанной машине.

Ёопелл прогuloчным шагом двинулся

следом за вырывающимся тужчиной,
чувствуя, что к
нему постепенно возвращается
самообладание. Нависшая над людьми
машина была поездом,
«Небодробителем», чьи сегменты были
оторваны друг от друга и сложены в
уродливую кучу
какой-то невежественной тронлюбской
бригадой тягачей, коих в более приличном
мире за
подобное неуважение освежали бы
кислотой. Этот кусок — из задней части,
насколько мог
судить Цопелл — лежал в неустойчивом
положении. Судя по пикт-записям и
показаниям
других бригад, он, похоже, готов был
свалиться. Краны вперевалку подобрались к
куче и
встали сбоку, чтобы можно было со всей
убедительностью заявить: они пытаются
сделать это
нагромождение более устойчивым, прежде

чем и нему можно будет подпускать бригаду рубщиков.

Эти люди не входили в такую бригаду. Умелые рубщики дорого стоили, и самые умелые из

них знали об Обычаях и даже Традициях и служили тому же, что и Ковинг, и сам Уонелл. Но,

по крайней мере, у этих рабочих был режущий инструмент, старый, который было не жалко, и

Псинтер уже занялась своим делом в Административе. К тому времени, как найдут тела,

документы будут свидетельствовать, что жертвы действительно были бригадой рубщиков.

Что до бандитов, то их подкупили разнообразными комбинациями из услуг, обещаний,

краденых облигаций Агентс и дешевой выпивки. Они думали, что работают на несколько

более высокопоставленную версию самих себя, на тех, кому надо защищать свои сомнительные источники дохода и силой укреплять репутацию. Они не знали положение

Ковинга Шека в Традициях. Так было лучше. Теперь они сознали всех жертв в одно место,

обездвижили одного надоедливого грачуна парой тяжелых пинков по коленям и отошли в

сторону. Едва они покинули зону поражения, Ковинг подал знак, и оператор крана выпустил

захват-клешню. Двое закричали, а затем изрытый, обожженный взрывать кусок

«Небодробителя» обрушился на людей, как ботинок на жука.

Оператор и Ковинг показали друг другу поднятые большие пальцы. Наемники заржали и

захлопали друг друга по плечам, демонстрируя, насколько равнодушными их оставила судьба

рабочих. Уонелл услышал задыхающийся вопль из-под перевернувшейся громады, но к тому

времени, как он подошел к Ковингу, голос перешел в хрип и затих.

-- Да, я тебя слышал, -- огрызнулся Ковинг, хотя Уонелл не сказал ему ни слова после того

сообщения. Но начальник разговаривал не с ним, а с собой. -- Сюда за Нил, -- снова, чуть тише, прошипел он, глядя на маленькое темное пятно в небесах так же, как смотрел и

Уонелл. -- Меньше времени, чем мы думали. Нам надо двигаться.

-- Рунический жрец? -- переспросил детилектор Вошени. -- Подождите, я что, не так

расслышал?

-- Не знаю, мастер детилектор. Есть причина так полагать?

Сестра Сарелл впервые за несколько часов заговорила, и некоторые Агентус сильно удивились, услышав ее голос. Вошени

помедлил с ответом, чтобы прожевать
сложенный

кожистый лист ушпила.

-- Ты должна это объяснить, -- сказал он
наконец. -- Слушайте, кто-нибудь еще это
полнит?

Императором клянусь, что моя память
работает как надо, но я все же думал о
жреце из

Астартес, не Механикус. Хоть кто-
нибудь? Или я нечаянно вдохнул жар-каменя
и у меня начал

разлагаться мозг? Рунический жрец
Agentus Механикус -- кто-то вообще когда-
либо слышал о
таких?

-- Я даже о рунических жрецах Астартес
не слышала, -- вставила Киноза и
решиительно

протянула руку к блюду с пюре из семян,
прежде чем Вошени успел его прикончить.
Как и

Вошени, Киноза была работником
Администратума, военным

представителем в гарнизоне

Гвардии. Бошени входил в целевую рабочую группу по реконструкции и розысканию десятины,

и это была его идея -- организовать регулярные обеды для старших членов Агентств в

восстанавливаемой крепости Хлаголом. Джерс Агальбрект был не против обедов, но хотел

бы, чтобы они не выпадали на дни, когда он постился. Агальбрект вежливо попивал воду из

кружки и слушал, как остальные препираются.

-- Астартес? -- высоким голосом проговорил вокатор Нембер, и Сарелл закатила глаза. -- Не

полню, чтоб я видел Астартес, но, возможно, я видел его и не узнал! Я провел с ними почти

день, когда эмисары Железных Эмеев прибыли на...

-- Вспомните «Мистерию Асахейта», сэр, --

быстро перебил Агальбрект, прежде чем
Нембер

успел в который раз начать свою историю.
-- Это пьеса о том, как на Фенрисе
сокрушили

Вероотступника. Там есть песня в конце
первого акта, и в ней говорится о
рунических жрецах

Костических Волков.

-- Спасибо, -- сказал Вошени с набитым
листьями ртом. -- Так это, значит,
Механикус?

-- Не думаю, что у них те же ранги, --
ответила Сарелл, -- звучит так, как
будто этот титул не их

организации, просто они обозначили им
того, чью истинную функцию значительно
сложнее

описать. Следует ли нам спросить
настоящее звание гостя, когда он приедет?

-- Если у нас будет шанс, -- фыркнул в усы
Нембер и уставился в бокал. -- Спорим, что
он

спрячется в храме посреди того

проклятого кладбища, и ты даже не
увидишь его? Он прибывает

на корабле, какие они используют, чтобы
поднимать титанов. Титанов! Я не знаю,
почему они

так приукрашивают это в своих
реляциях, он здесь не для того, чтобы
производить всякое

церемониальное дерьмо, для которого и
якобы нужна большая сановная шишка.
Бьюсь об

заклад, это какой-нибудь младший
технопровидец, который вытянул
короткую соломинку и

теперь должен сидеть в этой песчаной
дыре, нагружая этот свой «Могильный
камень»

мертвой машинерией, чтобы только она
не попала нам в руки. Выдержав как раз
такую паузу,

чтобы она могла считаться грубой,
Нембер завершил свою речь легким
взмахом руки. Этот

жест должен был продемонстрировать,

что под «нами» он имеет в виду Agentys
вокруг стола,

но никто из них не обманулся. «Мы»
означало насквозь продажный консорциум
торговых

готов с Баргольфуса, который раздобыл
себе что-то вроде канерской грамоты от
Администратума и когтями и зубами
пытался вцепиться в дело восстановления
Ашека. Когда

Agentys Механикус выпустили эдикт,
гласивший, что легионы Машин Скорби,
оставленные

Архивразом, должны быть собраны на
чудовищном кладбище у дельты
Хлаголома, хозяева

Нелбера увидели в этом лишь попытку не
допустить их до чего-то. Нелбер
присутствовал

здесь как шпион, и эту тайну знали все.

-- Хотелось бы знать, вдруг он здесь,
чтобы проинспектировать ход работ, --
трачно

проговорил Бошени, глядя на пятно на

манжете, которым он угодил в тарелку с соусом. --

Количество несчастных случаев, уровень насилия...

-- Бороться с этим -- твоя работа, -- проворчал Нембер.

-- У его тоже! -- Бошени ткнул пальцем в Агальбректа. -- Миссионария Галаксиа здесь для

того, чтобы сделать этих людей верными слугами Трона! Что вы говорите в своих проповедях

о трудолюбии? Об умеренности?

Киноза воспользовалась моментом, чтобы забрать себе остатки пюре.

«Все куда сложнее, -- хотел начать Агальбрект, -- это всегда сложно. Откуда вообще эта

дурная мысль, что Миссионарию достаточно прокричать проповедь, чтобы у людей сработал

какой-то рычаг в голове и переключил их на полную покорность?»

-- Бригады, работающие здесь, слабы и

смертны, как и ты все, дегилектор, --
Сарелл
заговорила, прежде чем он успел открыть
рот. -- Большую часть война лишила
кровя,
некоторые -- беженцы из других мест
планеты, некоторые -- беженцы с других
тиров,

отрабатывающие стоимость их перево...
-- Я знаю о чертовой рабсиле, сестра, я ею
руководжу, -- оборвал ее Вошени и тут же
взял себя в

руки. -- Простите, сестра-дигалогус.

-- Извинения приняты, дегилектор.
Отнеситесь к моей точке зрения с
пониманием. В

духовном смысле эти люди слишком долго
лежали ниц под гнетом горя и тьмы. Мы
помогаем

им снова встать на ноги.

Агальбрект ухмыльнулся. Она
использовала слова из его утренней
проповеди двухдневной
давности. Ему нравились комплименты.

-- Но пока они не набрались сил, порой они все же будут падать.

-- Знаете, ш-што нам надо сделать? -- спросил Нембер. Его кубок был пустым, а голос

--слишком громким. -- Надо забратсья на это кладбище. Посмотреть, что они там делают.

Неправильно, что бригады все увла... увлакивают туда, и ты не можешь пройти за ними и

посмотреть, что они там со всем этим делают.

-- Внутренняя часть кладбища признана владением Механикус, -- возразила Киноза, -- точно так

же, как территория храма является владением Министорума, -- она кивнула на Адальбректа и

Сарелл. -- И в любом случае, вы, видимо, забыли, что на кладбище хранятся нечестивые

боевые машины, отнявшие жизни у многих храбрых солдат Трона. Это Механикус

слотили

их, чтобы аквила могла вернуться в эти земли. Проявите хоть немого уважения.

Это заткнуло Нембера. Бошени взял свою косичку, знак агента, и начал задумчиво покручивать ее.

-- И все же...

Все перевели взгляд на него.

-- И все же, не стоит упускать возможность. Друзья шестерни замкнуты, но это не делает их

нашими врагами. Все мы Agentus. Если не считать определенных профессиональных

различий, я нашел технопровидца Дарокка вполне расположенным к сотрудничеству, -- он

улыбнулся Немберу, который щурился на него. -- Полагаю, что этот сановник, этот великий

магос, действительно так важен, как нам и сказали. И я думаю, что запрос... нет. Я думаю, что

самое меньшее, что заслуживает человек

на таком посту, -- это извещение.
Извещение,
гласящее, что делегация наиболее
высокопоставленных должностных лиц
Agentys с
удовольствием предоставит свои
верительные грамоты и поприветствует
столь важного гостя
Ашека.

Нембер нахмурился, пытаясь осмыслить
идею сквозь алкогольные пары, но Киноза
уже
ухватилась за мысль и выпила в честь нее
остатки своего вина.

-- Поездка, значит, -- сказала она. --
Приглашу еще Тоска и Хаффита.
Добавим поддержку
военных, и тогда сложнее будет
отказать.

-- Где они, кстати? -- спросил Агальбрект.
-- На внезапной облаве в восточном
квартале бараков, -- Киноза налила еще
вина. -- Две

тягловые бригады вчера притащили

новые мертвые машины. Похоже, кто-то попытался

пронести вместе с ними оружие, что считается военным преступлением.

Гвардия принимает

это довольно-таки близко к сердцу.

-- Не удивлен, -- сказал Бошени. -- Ну, по крайней мере не удивляюсь этому. Разве кому-то

нужно, чтобы этот сброд решил продолжить дело армии Архиврага?

Шутка, шутка! -- он

затахал рукой на Агальбректа, который привстал с таким видом, как будто получил

пощечину. -- Я знаю, что вы хорошо делаете свою работу, господин проповедник, я пошутил.

Но, если честно, почему какой-то дешевой стаббер, ульевая штамповка, так важен в таком

месте, как это? Что они собираются с ним делать, грабить поваров в столовой ради второй

порции супа из крахмала? Кому нужно
оружие посреди голой пустыни?

-- Это уже четыре полностью вооруженные
бригады. У тягачей нашли только один
склад,

другие нетронуты. Мы доставим оружие
бригаде Оранжевая-Пять завтра, во время
утреннего

приема пищи. Тогда мы будем готовы.

Нсинтер старалась говорить тихо и
ровно, но в ее голосе можно было
безошибочно

распознать удовлетворение. Провернуть
все в тайне было нелегко, и неожиданная
спешка

усложнила это еще больше. Ковинг Шек
поджал губы и куда-то слепо уставился. Он
протянул

руку с длинными пальцами, вытянул
стилус из хлама, которым был завален его
стол, написал

слова «Оранжевая-Пять» в воздухе где-то в
полусантиметре над писчим планшетом и
бросил

его. Он вырабатывал у себя эту привычку, чтобы лучше запоминать информацию. Не идеальная замена тем книгам из плат переплете, которые у него раньше были, но куда более

безопасная. После того как Гвардия поймала одного из перевозчиков оружия, по всему

южному авеню прошла еще одна внезапная облава, и отряд грохнул Министорума, разрушил и

сжег три барака рабочих.

--Так они все -- наши люди? -- спросил Цопелл. -- Точно все?

Другие двое членов сопротивления только хмуро посмотрели на него, отчасти в ответ на

вопрос, отчасти из-за того, что он вообще заговорил. Обоим не нравилось присутствие

Цопелла. Ковинг был надежным человеком, начальником бригады, который имел разрешение

управлять работниками -- коренными

жителями Ашека. Нсинтер была его заместительницей

по Традициям и Порядкам и равной по Обычаям, но они смогли устроить ее лишь тогда, когда он был младшим

прорабом в тягловой бригаде. У Цопелла, потомка выходцев с другого мира, которые проживали на Ашеке всего четыре поколения, имелись небольшие связи с кузнечными

феодами, и он вообще никак не был связан с Неизбежным Конклавом. Однако в суматохе

после сожжения ульев он оказался отобран в рабочую бригаду и так хорошо разыгрывал

покладистого и благодарного освобожденного гражданина, что его сразу поставили на

должность прораба. Теперь Ковинг нуждался в его присутствии, чтобы эти встречи можно

было убедительно выдавать за тихую вечернюю болтовню между начальником и

помощниками. Уонелл обычно достаточно хорошо понимал это, чтобы держать рот на замке.

-- Да, все наши, -- ответила Псинтер, сердито глядя на него. -- Несчастные случаи, -- она

признательно кивнула Ковингу, -- регулярно давали нам возможность реорганизовать

бригады, с которыми мы начали. И все же по сравнению с шестеренчиками у нас стало

оружия. Нашим преимуществом над охранниками заставы Механикус будут численность и

неожиданность, а не железо. И, скорее всего, не дисциплина. Наши люди полны энтузиазма,

но они не солдаты. Многие из них умрут.

Все трое переглянулись. Никто из них не ценил жизни своих последователей более, чем

собственные. Традиции игнорировали

подобные вещи, а Порядки превозносили
совсем иной

спектр приоритетов. Но это создавало
трудности. Ни Ковингу, ни Псинтер
незачем было их

озвучивать, однако Уонелл все равно это
сделал.

— Если мы нападём на заставу, и только
один человек будет знать, что там надо
сделать, есть

риск, что они погибнут, и бригады не
будут знать, какой должен быть
следующий шаг. А если

рассказать им всем, то получится
действительно опасный секрет, известный
множеству

людей.

Ковинг не смог сдержаться, и кулак
ударил по небольшому столу с такой
силой, что лампа

тигнула. Все трое на секунду затолчали,
услышав доносящийся снаружи звук шагов
лагерного патруля.

— Уонелл, ты что, опять пытаешься все

разболтать? -- прошипела Псинтер. --
Просто потому,
что, знаешь ли, в первый раз не вышло, и
эти... -- она сделала вдох и понизила голос. --
Они
тебя недостаточно хорошо расслышали?
«Можно подумать, я сказал что-то более
подозрительное, чем ты», -- подумал
Цопелл, но
вслух произнес:
-- Почему бы нам просто не использовать
транспорт делегации?
-- Утак, класбище, -- пробормотал Джерс
Агальбрект, когда они проходили под
машинными
иконами, которые покачивались на
освинцованных цепях. Покрытые красной
тканью головы
сопровождающих Механикус повернулись к
нему.
-- Непроизвольная вокализация, -- сказал он
им, прежде чем они успели спросить. --
Пожалуйста, не обращайтесь внимания.
Механикус еще мгновение стояли.

разглядывая яго, і Агальбрэкт подумал, не
собираются ли

они его допрашивать. Этому трюку с
«непроизвольной вокализацией» его научила
одна из

агентов Логистика еще тогда, на...
проклятье, неужели миссия на Аугнассисе
была четыре

передислокации назад? Механикус не
говорят сами с собой, сказала ему тамзель
Риндон, не

восклицают, когда удивлены, и не
бормочут под нос, когда злятся. Но те,
что работают с

обычными людьми, знают, что мы иногда
производим такие непроизвольные
вокализации.

Легче выработать у себя привычку
сообщать им, что ты делаешь именно
это. Он заметил, что

двое других представителей Миссионарии
тоже ее подхватили.

Стражам понадобилось еще несколько
мгновений, чтобы решить, что им не

стоит об этом

беспокоиться, а потом они отвернулись. Похоже, они не стали это обсуждать. К груди

Агальбректа была прикреплена маленькая металлическая пластинка, которая грожала, когда

управливала безмолвные сообщения на механическом арго, и сейчас он не чувствовал в груди сигнальной вибрации.

Кладбище, снова сказал он себе, на сей раз не размыкая губ и не выпуская слова наружу. Так

было даже лучше. Вся делегация утолкла после того, как поприветствовала стражей заставы и

вернулась в свои транспорты.

Это были не просто развалины, усеивающие растрескавшуюся землю под покровом

сгущающегося сутрака. Все они знали о развалинах. После месяцев, проведенных на Ашеке,

иначе и быть не могло. Агенты знали о трагедиях, смертях и том, какой ужасный, поистине

индустриальный размах они принимали во время войны. Знали о цене, заплаченной здесь за

победу над воинством Архиврага, и о наследии, оставленном дьявольским инженером,

известным как Асфогель. И о кладбище они знали не понаслышке, ибо видели, как оно растет,

заполняется и ползет вширь, укрытое пеленой пыли, по мере того, как колонны тягачей

тащатся по плотному грунту, а краны без устали поднимают и волочат груз. Но сейчас, здесь,

посреди него, в кровавом свете утирающего дня...

В свете фар что-то блеснуло. Это была распростертая лапа одной из мощных четвероногих

штурмовых машин «Смертонавт».

оканчивающаяся узкими изогнутыми
пальцами, более
элегантными, чем у боевых «рук»
имперских машин. Даже отрубленная,
растопырившая когти
лапа выглядела достаточно угрожающе,
чтобы Агальбрект отпрянул от окна,
будто эта штука
попыталась вцепиться в шины-баллоны
транспорта. Не было ни намека на то, где
мог бы
находиться ее обладатель, и воображение
Агальбректа нарисовало его снаружи, в
темноте, где
тот, каким-то образом вновь
пробудившийся, лишенный пилота,
крадется за ними, желая
найти теплую плоть и отомстить ей за
утраченную конечность.
Агальбректа пробрала дрожь, он стиснул
правой рукой стальной талисман-аквилу,
свисающий
с левого рукава. Острые края врезались в
ладонь, и проповедник сконцентрировался

на боли.

Машина заворчала, поднимаясь вверх по
небольшому склону мимо останков
«Гробового

червя». Просевший монстр как будто
устало и задумчиво опустил голову.
Стекло, за которым

когда-то находилась его команда, было
разбито, ноги машины выгнулись и
валялись по

бокам. по сторонам. Бронированная спина
горбом выгибалась над основным корпусом.

Позади на боку лежал еще один, наружу
торчали пластины, вывороченные
погубившим его

взрывом. Агальбрект снова вздрогнул,
когда от остатков бронестекла машины
отразился свет

из окон движущегося транспорта. На миг
проповеднику показалось, что под низким

металлическим лбом ожили и открылись
глаза. Он быстро отвел взгляд, как будто
кто-то

действительно посмотрело на него из

этой громадины, и стал созерцать
горизонт впереди. Два

«Колеса-свежевателя» привалились друг к
другу, и их силуэты, черневшие на фоне
красных

лазков заката, напоминали шепчущихся
заговорщиков. Половина третьего «Колеса»
валялась

перед ними, проповедник увидел ее, когда
транспорт подъехал ближе, и вообразил,
что те

двое шепчутся о возмездии за него. Он
стотрел, как машины подплывают все
ближе. Уже

можно было разглядеть шины, усеивающие
их поверхность, и крюки, торчащие из
ободов,

увидеть на одном из них оспины,
оставленные плотным стабберным огнем,
а на втором --

огромный кратер в центре, откуда
вырвало или выбило кабину вместе с
подвесом.

Агальбрект не воспринимал это место

как кладбище. Оно скорее походило на охотничий парк

из тех, что окружают весенний дворец Сюзерена на Энгатто Минорис, полный диких зверей,

наблюдающих за их таленькой и слишком уязвимой процессией злопамятными и внимательными взглядами.

Они поднялись на гребень холма, откуда в угасающем свете можно было ясно разглядеть

кладбище, и Агальбрект согрознулся. Тревожное чувство, которое наполняло его всю дорогу,

проникло сквозь напряженные мышцы, протекло по беспокойным нервам и пробрало его до самых костей.

Мертвые Машины Скорби заполонили равнину плечом к плечу, бок к боку. Во всех направлениях тянулись высокие спины «Гробовых червей», когти «Колес-свежевателей» как

будто цеплялись за небо, словно желая

урвать себе кусок кровавого ашкского
заката. Впереди

возвышался курган из покрытых
вмятинами или пробитых насквозь огнем
лазерных пушек

«Моровых шаров». Он покосился и
частично осыпался на бок разбитого
бронепоезда

«Небодробитель», гусеницы которого были
оторваны, отчего он накренился и
пошатывался.

Между более крупными машинами были
втиснуты безобразные ряды и кучи более
мелких,

целых и расчлененных: раздутые
«Крадущиеся танки», широкоплечие
«Смертонавты»,

похожие на жаб «Пасты лучений».
Агальбрект некоторое время размышлял
над неуместно

аккуратно сложенными и сцепленными
перекладинами, пока не понял, что
смотрит на

обрубленный каркас одного из печально

известных «Древ бойни». Он запомнил это название,

услышав его от грожащего сержанта Гвардии, который утоял, чтобы ему дали броситься с

крыши, откуда его только что стащили трое подчиненных.

Вспомнив солдата, Агальбрект понял, что не может отвести глаз от испачканных и покрытых

сколами металлических решеток. При свете фар чудилось, что среди них виднеются острия

шипов-гарпунов, хотя он и знал, что это невозможно. Гвардейцы педантично уничтожили

каждое орудие на «Древах», прежде чем позволили увезти их. Техножрецы были в ярости.

Решетки пропали из виду, скрывшись за изогнутыми стальными останками какого-то

механизма величиной со здание, настолько пострадавшего, что

Агальбрект не смог его

идентифицировать. Он на мгновение прикрыл глаза и осознал, что где-то на краю сознания

все еще слышен голос того сержанта -- хриплый, низкий, утешающий. Разум начал накладывать на этот голос другие звуки -- госпиталя на станции, звуки, которые издавали люди,

сражаясь с воспоминаниями о том, что сделал с ними Ашек. Тогда он снова открыл глаза и

вонзил ногти в ладони, выискивая взглядом что-нибудь, что могло бы отвлечь его от картин прошлого.

Но очередь из огнестрельного оружия, донесшаяся со стороны второго транспорта, была не тем, что он имел в виду.

Понадобилась секунда, чтобы Агальбрект осознал услышанное и резко выпрямился. Он увидел, что остальные отреагировали так же -- их внезапно вырвало из грез,

навеянных

покачиванием транспорта и парадом
мертвых металлических гротесков,
проходящим за

окнами. Потом кто-то очнулся и в
водительской кабине и переключил
освещение с белого на

красное аварийное. Позади транспорта
снова раздался залп — быстрый взвизг
лазера и два

кашляющих выстрела из
неавтоматического стаббера —
приглушивший чей-то крик боли и
гнева.

Сестра Сарелл уже наполовину поднялась
из кресла, ее рука метнулась к
лакированному

болтнистолету на бедре. Вошени, Киноза
и два клерка сжались рядом на передних
сиденьях, и

на какой-то миг Агальбрект подумал,
пытаются ли они так защититься или
успокоить груз

груза. Но тут Агентус отпрянули груз от

друга, и он понял, что все четверо читали молитву

над магнитными батареями, которые они теперь вставили в тонкоствольные лазеристолеты.

Агальбрект оглянулся и увидел Хаффита, одного из солдат полковника, который стоял на

коленях в проходе меж сидений, и его очки в свете ламп отсвечивали красным, как глаза

животного, пока он спокойно заряжал короткий гвардейский стабкарабин. Наконец заставив

себя пошевелиться, Агальбрект прыгнул в проход и выхватил из кобуры лазеристолет.

— Не торопись и дыши спокойно, брат, — сказал позади Хаффит. — Никогда не надо бросаться в

атаку, пока не знаешь... подожди-ка...

Голос Хаффита утолк, и он наклонил голову, прислушиваясь к каким-то сообщениям в

вокс-бүсине. Агальбрект кивнул, осознав, насколько тяжело дышит, и постарался расслабиться. Еще через пару секунд он вспомнил о своем призвании, вернул пистолет в

кобурү и потянулся за символизирующим его статус жезлом с набалдашником-аквилрой,

который лежал на окне рядом с его местом. Если понадобится выйти наружу и сражаться, то

пусть его враги знают, что стоят лицом к лицу с посвященным слугителем Имперского

Культа. Кончиком пальца он погладил ободок под когтями аквилы, на который надо было

надавить, чтобы изнутри выскользнул боевой клинок.

Прямо за окнами транспорта снова грохнул стаббер, но Агальбрект очистил свой разум, и

выстрелы больше его не пугали. Он собрался спросить Хаффута, что тому

сообщили, когда

запрещал динамик связи с водительской кабиной.

-- Говорит Тоск. Это люди, прокрававшиеся на второй транспорт. Трое прячутся у нашего

правого борта, прикрывая другую группу, следующую за конвоем. Пожалуйста, заткните их.

Конец связи.

Хаффит уже направился к люку по правой стороне, но Сарелл обогнала его, и Адальбрект

поспешно пошел следом. Немного помедлив, Бошени хотел было повести за ними других

офицеров Административа, но Хаффит покачал головой. Он показал Бошени на ручку люка,

резко провел двумя пальцами по губам, когда дегилектор попытался что-то сказать, и поднял

большой палец, когда тот кивнул, промолчал и схватился за ручку.

Хаффит показал один палец, затем три, гва и, наконец, один, и тогда Бошени схватился за

ручку и откинулся назад. Люк открылся быстрее, чем он ожидал, отчего тот ударился о кресло

и, потеряв равновесие, упал.

Новис был абсолютного затишья, пока холодный ветер тихо вливался в салон, а затем сестра

Сарелл, держась одной рукой, выпрыгнула из люка, сжимая в другой руке болтнустолет и

выкрикивая боевое благословение с какого-то дикого мира голосом, которому просто нечего

было делать в таком маленьком теле с таким узеньким ртом.

-- Гром-гля-Него, крылья-гля-Него, слова-гля-Него! Гром-гля-Него!

К тому времени, как Хаффит шагнул в люк следом за ней, спрыгнул и завертелся на месте,

оружие Сарелл проговорило дважды, и

Агальбректа передернуло от глухих, лишенных эха

звуков, раздавшихся после обоих выстрелов. Единожды услышав, как снаряд болтера

взрывается внутри тела, ты никогда не забудешь этот звук.

Хаффит пропал из виду. Агальбрект прошел в люк, прыгнул, приземлился за один вздох и

увидел, что гвардеец закатился под транспорт, пытаясь найти такой угол стрельбы, чтобы

снаряды не пронзили цель насквозь и не угодили в шину. Будто только сейчас вспомнив о

врагах, Агальбрект повернулся, чтобы посмотреть на них.

Ничего особенного. Он не знал, что ожидал увидеть, но не это. Двое мужчин совершенно

незапоминающейся внешностью, плотного сложения, с остриженными головами, одетые в

желтые рабочие комбинезоны, которые он
каждый день и во множестве наблюдал
перед

храмом, где работал. Они были
забрызганы и залепаны чем-то темным,
широко раскрытые

глаза смотрели застывшим взглядом.
Между ними валялись останки того, кто
был третьим,

пока снаряды Сарелл не нашли свою цель.

Он осознал, что его собственное тело уже
двигается. Один шаг, и послышался
скользкий

металлический звон нанозакаленного
адамантиевого клинка, выскочившего из
резной аквилы.

Этот звук заставил его вспомнить
движения, загнанные глубоко в мышечную
память многими

сотнями часов тренировок. Глубоким
низким выпадом он вложил весь вес своего
тела и

оружия в клинок, вонзив его в горло одного
из мужчин. Руки того конвульсивно

стиснули

лазган, выпустив быструю красную
вспышку, а затем он сполз с клинка и
повалился в месиво

зловонной крови и обожженного гравия.
Второй вздрогнул, не зная, в кого
стрелять -- в

Хаффута или Агальбректа -- и тут
гвардеец нашел верный угол для стрельбы
и поразил того в

колени. Человек беззвучно упал на землю и
только было вдохнул, чтобы закричать,
как клинок

Агальбректа снова ударил в горло и
заставил его затолчать навсегда.

Внезапно весь мир снова стал полон
звуков. Крики и топот позади транспорта.
Раскрытый и

качающийся позади него люк кабины. Его
собственное дыхание.

По каменной крошке сзади захрустели
сапоги, и кто-то хлопнул Агальбректа по
плечу.

-- Храбро, -- сказал полковник Тоск. -- Я-то

дугал их подстрелить, но это было
храбро.

Агальбрект повернулся и поднял жезл.
Клинок еще был снаружи, и золотая аквила
блестела от
крови.

-- Аквила не уклоняется от боя, полковник,
-- он спорзнул. -- Со всем уважением.

-- С уважением, это точно, -- ответил
Тоск. Его тяжелая рука все еще лежала на
плече

Агальбректа. -- Как насчет
присоединиться к моему агьютанту и
добраться до остальных?

-- А... -- сказал Агальбрект. Он и не
подумал, что нападвших могло быть
больше. Рука

полковника повернула его лицом к
Хаффиту, который уже согласно кивал.

-- Они разбегаются по машинам, -- сказал
тот. -- Давайте возьмем их по горячим
следам.

Он зашагал прочь, и сестра Сарелл
последовала за ним.

-- Побольше глаз, это правильно, -- одобрил полковник. -- Идите к охранникам. Механикус,

постарайтесь им помочь и доложите нам все, что узнаете об этих непрошенных пассажирах.

Это, конечно, и к вам относится.

Агальбрект кивнул, поднял жезл подобно штандарту, увенчанному аквилой, другой рукой

вытянул пистолет и последовал за Хаффитом и Сарелл на кладбище.

От них все еще пахло. Агальбрект не ожидал этого. Не воняло, но пахло. Он улавливал

слабый металлический привкус в воздухе, исходящий от выжженных холмов, и более приторный аромат масел. Запах пустыни был однообразен и едва заметен, но под ним было

запеклось нечто иное, нечто более густое. Агальбрект осознал, что чует кровь. Не свежую,

запачкавшую его скипетр, но застарелую,

пролитую имперскими гвардейцами и
бесчисленными невинными ашекийцами
кровь и иные жизненные флюиды, что все
еще

покрывали шины и крючья Машин Скорби
Наследника.

Эта мысль пробрала его до самого нутра,
и мгновением спустя, когда лазерный луч
врезался в

остов над его головой и сбил с металла
платину, которая пылью осела у него на
лице, он

поймал себя на мысли: «На мне кровь». Он
пригнулся, бездумно прислонился спиной к
корпусу машины и завопил от боли.

В тот же миг еще два выстрела
пронзили металлический остов на
расстоянии руки от него, и

от мест попадания пошел дымок. Он
ответил отрывистыми выстрелами из
пистолета, целясь

во мрак и толком не зная, откуда вообще
стреляют, пока Хаффит не рывнулся у него
над ухом

«Стрелять точнее!» и выталил огнѹ, две, три короткие, выверенные очереди во что-то, чего

Агальбрект не мог разглядеть. Он попытался пригнѹться еще ниже, но яркая и как бѹдто

радостная боль с новой силой пронзила плечо, исторгнѹв из проповедника еще один вопль.

Что-то держало его. Скрипя зубами и рыча от лѹки, он попытался сдвинѹться вбок, потом

привстать, но всякий раз крюк проворачивался в плече, и он оставался на том же месте,

извиваясь, как наживка удильщика. Тяжело дыша, он пробормотал про себя строку из

четвертого псалма Тобиша -- «Зеркалом, обращенным к Его лѹчезарному Трону, я выжигаю

ночь» -- и заставил себя не шевелиться. Откуда-то издали, слева от Агальбректа слышалась

чередой металлических лязгов и гвалта
взрывающихся ругательств голоса, один с
хриплым

континентальным акцентом Ашека,
другой -- с грохочущими гласными
Прагарского подулья.

Через несколько мгновений их заглушил
рык мотора цепного меча, который
пожужжал и

затолк на достаточно долгое время,
чтобы Агальбрект услышал голос Сареллы
откуда-то

в близости и визги и взрывы болтерных
снарядов.

Зловонный, маслянистый, насыщенный
адреналином пот пропитал одежду, и
ветер начал

пробирать Агальбректа холодом. Он
задрожал и охнул, когда от
непроизвольного движения

снова пошевелилось то, что застряло в
спине. Проповедник несколько раз пытался
встать

таким образом, чтобы не давить на эту

итяку, и определить, куда надо двигаться, чтобы снять

себя с нее. И всякий раз это заканчивалось тем, что он стоял на полусогнутых, шепча отгоняющие панику молитвы, которые все больше походили на невнятный лепет. Мысли о

том, что может случиться, если он запаникует, были даже страшнее, чем мысль о том, что

случится, если ноги, уже сведенные судорогами, не смогут больше удерживать его в таком

положении. Приготовившись к боли, он попытался переместить свой вес и по очереди

вытянуть ноги, при этом поводил пистолетом по сторонам и целясь в тени вокруг. И все же он

не смог удержать стон, просочившийся меж зубов, когда крюк в его спине дернулся назад и

вперед. За собственным стоном, грохотом выстрелов в глубине кладбища и

напряжением всех

чувств из-за боли он не слышал приближающихся шагов, пока они не оказались совсем рядом.

-- Это он.

-- Я знаю, вижу, поторопись.

-- Что с ним делать?

-- Что хочешь, только быстро.

Отрывистые гласные, слоги, с щелчками отлетающие от зубов. Ашекская речь, хотя гля

определения региона ему бы понадобился слух Сарелл. Агальбрект глотнул воздуха, на миг

прикрыл глаза и пошарил в памяти в поисках риторических приемов, в которых он

практиковался по дороге. Он поднял свой жезл статуса, движение затронуло пронзенные

мышцы рядом с лопаткой, и с него снова градом хлынул пот.

-- Узрите аквилу, -- сказал он. Он так часто повторял эту фразу в проповедях, что слова теперь

должны были оказывать магическое воздействие на любого, кто их слышал. --
Видите, как

взирает она на вас? Крылья ее распростерты широко, и для всех нас есть место в их тени.

Один из силуэтов повернулся спиной. Порка, вот чем бы это закончилось, если бы кто-то

повернулся спиной к поднятой аквиле на площади перед миссией. Агальбрект видел, как этот

человек отрывисто, панически мотает головой. Потом другой рабочий приблизил к его лицу

свое, закрытое маской.

-- Знаю тебя, ты -- проповедник. Так что говори быстро. Чего твоя аквила хочет от Королей?

Ты должен это понимать, -- голос человека становился все быстрее и тише. --

Что аквила хочет

от Королей? Что такое «Могильный
камень»? Что?

Агальбрект был парализован.
Настойчивость в голосе ашекийца была
столь же осязаема, как

дергающая боль в спине, но он был
дезориентирован и не мог связать ни
слова. Короли?

Короли? Может, так звали владык ульев,
которых сверг Архивраз? Агенты
Миссионарии

Галаксиа исправно проходили ускоренные
брифинги, но ни на одном занятии их не
готовили

к подобным ситуациям. Что вообще
происходит?

Тут мужчина переложил свой небольшой
нож-кастет в левую руку, протянул правую
к

окровавленной золотой аквиле и схватил
ее. Рука Агальбректа бессильно повисла.

-- А, -- пробормотал ашекиец, похоже, сам
себе. -- Дохлая. Бесполезная штука.

Он повернулся к своему товарищу и так и не получил шанса понять, что сказал не то, что

следовало.

Агальбрект вскинул правую руку и ткнул ею за плечо, как будто пытался почесать спину

дуглом пистолета. С искаженным лицом он нажал на спуск раз, другой и третий, слыша треск

выстрелов и чувствуя, как дергающая боль становится обжигающей.

Секунда, и крюк, что удерживал его, отвалился от простреленного крепления, и

Агальбрект

качнулся вперед, неуклюже обхватив человека, который допрашивал его. Оба закричали,

Агальбрект от боли, а ашекиец от злости и удивления, когда лазерный пистолет вывалил

прямо в бок его товарищу. От первого выстрела, оставившего на теле дымящуюся отлетину,

тот зашатался, задержался и начал хрипеть. Второ́й и тре́тий попали в грудь и утихомирили его.

Перед глазами Агальбректа вспыхнули звезды, когда рабочий врезал лбом ему в лицо, и ноги

начали подгибаться. Он попытался воспользоваться движением противника в свою пользу,

схватился за его шейный платок и крутанулся, отчаянно пытаясь не упасть снова на покрытый

шипамнi корпус. Но платок порвался, враг сильно пнул Агальбректа в живот, и тот отлетел в

сторону. Проповедник упал плашмя на катни, и плечо возопило от боли.

-- Мы слушаем своих Королей, а не тебя, -- донеслось он сквозь застлавшую разум пелену. -- В

эту ночь они снова обретут голоса. Слышишь, орлолюб?

Рабочий подобрал оружие своего

погибшего спутника и выкрикнул какие-то
отрывистые

слова, которые Агальбрект не разобрал.
Может, это была благодарность
товарищу, может,
выражение удовлетворения.

Но это не имело значения, ибо он уже
перекатился на бок, оскалив зубы. Аквила
снова была

оскорблена, и рабочий должен был умереть
за это. Два оскорбления, две жизни. Плата
недостаточная, но это самое большое,
что мог с них взять простой смертный.

-- Крылья-гля-Него! -- прорычал он и
выбросил жезл вперед, разжигая свой гнев
топливом

жгучей тучи в спине. Оружие угодило
человеку в грудь, и клинок погрузился в
тело так

глубоко, что обе головы аквилы врезались
в кожу. Рабочий застонал и повалился на
колени с

торчащим из груди жезлом. Пока
Агальбрект с трудом поднимался на ноги,

его противник

покачнулся вперед, уперся рукоятью в землю и навалился на нее. Проповедник вырвал оружие

левой рукой, и человек сгорбился еще сильнее, обнажив шею, теперь лишившуюся платка.

Агальбрект взмахнул и провизированным оружием над головой и ударил. Рука его была

тверда, а набалдашник жезла тяжел, и шея врага сломалась с одного удара.

В следующий миг сила покинула его тело. Он упал на колени, хрипло дыша, рана в плече

болела, будто под кожу натолкали горячих углей. Проповедник повернул фиксатор жезла,

убрав лезвие, упер его рукоятью в землю и прикоснулся головой к липкому от крови золоту,

бормоча строки из молитвы Воинствующего Нулигрима.

-- И один был сражен, и другой, и пусть оба

станут прахот под праведной поступью...

-- Вот он где! -- раздался голос, которого он не узнал. Слова будто вплыли в его голову сквозь

тьму и боль. -- Тот молодой парень в синем. Он вернулся сюда!

-- Что? Он даже с места не сдвинулся! -- Это был голос Хаффита, доносившийся откуда-то из-за

грожащего оранжевого света фонарей, что появились в просветах между мертвыми

машинами. Тон у него был настыльный. -- Брат Агальбрект? Это ты? А я тебя искал. Не

думал, что ты решишь просто спрятаться... стой... нет. Подожди-ка. Ты ранен? Подножие

Трона! Так, вы двое, он ранен, его надо нести. Брат, можешь сказать, где в тебя попали?

Агальбрект покачал головой. Во рту внезапно пересохло, слова превратились в хрип, и он

почувствовал, что теряет равновесие.

Перед глазами заплесало видение: он
падает вперед, и от
спины отрывается широкая полоса плоти.
Он стиснул кулаки и сконцентрировался
на том,

чтобы не упасть. Не падать. Темные
грозоты вокруг покачнулись, земля как
будто поплыла

навстречу и вернулась обратно. Он
застонал. Не падать.

-- Ага, все в порядке, я вижу, что случилось,

-- Хаффит теперь стоял сбоку и светил за
плечо

Агальбректа фонариком. -- Подхватите
его за руки, не дайте упасть. Ты с нами,
брат,

держись. Ты в шоке. Прочти со мной
молитву стойкости.

Они начали молиться вместе. Хаффит
читал несколько иную версию, но они
закончили

одними и теми же словами, и к тому
времени Агальбректа под обе руки
поддерживали

могущие охранники конвоя. Мысли текли
важно, голова готова была свалиться на
спину, и он

наконец понял, почему молитва казалась
ему какой-то странной. В руках ничего не
было.

-- Мххмтм... -- выдал он, затем поводил
языком внутри рта и по губам, пока не
скопил

достаточно влаги, чтобы можно было
говорить. -- Моя аквила. Я ее уронил.
Можешь ее

поднять... с земли?

Хаффит наклонился, и через тиз
Агальбрект ощутил знакомую тяжесть и
формы в руке. Это
немного успокоило его.

-- Брат, постарайся не двигаться, и не
приближайся больше к корпусу этого
ублюдка. Видишь,

на нем еще полным-полно этих дерьмовых
колючек. Я бы не рискнул... подожди-ка.
Сестра!

Сестра!

На краю светового пятна от фонаря появилось бледное мерцание одежды и золотистый блеск:

и нил возвращалась сестра Сарелл.

-- Проповедник ранен. Кому-то из нас надо оставаться рядом, пока все не успокоится.

-- Думаешь, они снова вернутся? -- спросила Сарелл.

-- Кто знает? Пока что мы даже толком не знаем, что они вообще делают. Кто-то из них

спрятался в конвое делегации и помог второй группе прорваться следом.

Неизвестно, чего

они хотят.

-- Держу пари, что не пожать руку магосу, когда тот приедет, -- с трудом выдохнул Агальбрект.

От глубоких вдохов болело плечо, но от неглубоких начиналось головокружение.

-- Его уже наверняка предупредили, чтобы повременил с приземлением, -- сказал Хаффит. --

Лучше бы его предупредили.

Какой-то миг он стоял молча, а затем
установился в небо, где висела точка
«Могильного камня»,

достаточно высоко, чтобы на нее попадало
немного желто-красного дневного света.
Хаффит

посмотрел вверх, выругался под нос и
повернулся к Сарелл.

-- Сестра, брат, меняет планы. Мастер
Агальбрект, сможешь идти?

Ни у кого не было сомнений, что именно
Ковинг должен пронести на кладбище
основной

ключ. Он немного беспокоился по поводу
двух других, зная, как мало будет времени,
когда

они отправятся в путь, и что даже
Псинтер не сможет добраться до двух
Королей в срок.

Поэтому, когда Уонелл придумал план
тайного проникновения в колонну Агентус,
ему

повезло больше, чем он думал: за это он
заработал третий ключ и право

командовать третьей

бригадой. Больше ни у кого не было даже
намёка на старшинство согласно

Традициям или

хотя бы мирской иерархии феодалов.

Значит, их будет трое.

Ковинг держал ключ так же, как
хулиганы с окраинных феодалов когда-то
носили ножи: тот

был неплотно зажат в левой руке, основная
часть находилась внутри рукава, и
холодный

металл прикасался к коже. В другой руке
он держал автоматический пистолет наготове.
Первоначально

Ковинг рассчитывал, что время будет не
столь позднее. Уже стемнело, и он боялся,
что не

сможет ориентироваться в лабиринте
разбитых машин, не видя на горизонте
погожие,

зовущие, вселяющие уверенность силуэты
Королей. Однако теперь он чувствовал себя
неудержимым, будто мчался, как раньше,

по высокоскоростному пешему шоссе в
Высоком

Улье, безошибочно находя путь. Высшие
таинства были не для Ковинга Шека. Он
был

погружен в культуру ашекийцев, их
сохраняющие знание Обычаи, управляющие
ими

Традиции, древние Порядки инженерного
дела. Славный Наследник показал, как
довести все

это до великолепного и ужасающего
совершенства. В такую ночь он
практически мог ощутить

те наиболее возвышенные тайны, о
которых пели, танцевали и кричали
проповедники

Наследника, некую силу, которая несла его
сквозь ночь на темных крыльях.

Начала восходить большая луна, и теперь
он разглядел их. Они возвышались над
грудями

механизмов, как шпиль ульев над
производственными блоками. Четыре

величайших детища

Наследника. Каменные Короли.

Подходы к ним охраняли Механикус, но только днем, когда по кладбищу бродили рабочие.

Путь к подножию Шагающего Короля был чист, и он не смог сдержаться: галтриумфальную

очередь из автопистолета в ночное небо, громким возгласом позвал бригаду за собой и

зашагал вперед.

Ключ как будто кольнул его кожу. Ковинг Шек поднял его к губам, поцеловал, перепрыгнул

через таран штурмовой машины «Кулак Нагзибара», рефлекторно пригнулся, услышав

перестрелку стабберов позади, и побежал дальше.

Ноги Агальбректа были целы, но проблема была не в них. Проблемой являлась железная

колючка, вгрызавшаяся в плечо, и серые

волны, что временами накатывали на
зрение. Левая

рука была перекинута через плечи Сарелл,
а правой он держался за жезл с аквилой,
как будто

это был якорь, удерживающий его в
сознании.

-- Если мы попытаемся вытащить его
силой, то разорвем плечо на части, --
сказала Сарелл. --

Ты напоролся на корпус «Колеса-
свежевателя». Эти шины созданы для
раздирания плоти.

-- Спасибо, -- с трудом произнес он. -- По-
моему... ты это уже... говорила.

-- Ну, тебе надо чем-то занять мысли.

-- Может, хотя бы не тем... что во мне
застраило? Ахх.

-- Извини, моя вина. Загела рукой.
Нечаянно. В такое время все эти писания
о праведности

боли в битве принимают новый оттенок,
не так ли?

-- Пожалуйста, не о том, что во мне

застрало.

-- Мы уже почти у транспортов. И в нас пока не стреляли. И ты вышвырнул двух врагов

Императора из этого мира в бесконечную пустоту, где их никогда более не озарит свет. На что

нам жаловаться, в самом деле?

-- Ннзхн. Не надо! Больно, когда смеюсь.

-- Сам виноват. Я не шутила. Сороритас никогда не шутят.

-- Никогда?

-- Насколько это тебе известно. Медик! -- закричала Сарелл, увидев лицо, смотрящее на них из

кабины транспорта.

Псинтер не давала себе поднять на него взгляд. Пока еще нет. Путь к Моровому Королю вел

через участок, где новые бригады свалили груды «Висельных паучков», оставшихся после

четвертой битвы при Высоком Ущелье. Петляя между обломками, она не могла

позволить

себе остановиться, чтобы посмотреть, и
не решалась отвести глаз от тропинки,
пока

двигалась.

-- Прикрываю! -- закричал Гаттер, шеф
сопровождающей Псинтер бригады. Голос
заглушил

даже треск лазерных лучей, которыми он
поливал все позади, не особо надеясь во что-
либо

попасть. -- Прикройте ее! -- заорал он снова,
на этот раз у нее над ухом, и те немногие
стрелки, что еще остались за ними,
послушно дали нестройный, слабый залп в
темноту. Вскоре

Псинтер услышала ответный имперский
огонь из лазеров, более медленный и
осторожный. И

более точный: когда Гаттер прокричал
«Двое упали! Трое!», она поняла, что не
слышала

воплей. Кто бы ни знался за ними, они
стреляли, чтобы не ранить, но убить.

Женищина бросилась направо и обнаружила
путь среди расколотых нагвое шасси
«пауков». Но

нелу можно было выйти к следующему
проходу, откуда она могла бы
незамеченной

пробраться к Королю. Она едва не застряла
на месте, пытаясь взвесить шансы -- эти
несколько

метров были смертельно опасны, но мысль
о том, чтобы умереть в прицеле имперца,
не

завершив миссию, была невыносима.
Прежде чем Псинтер успела сознательно
принять

решение, ноги уже сами понесли ее туда.
Она бежала, тяжело дыша, и высоко и
дергано

поднимала колени, как будто уже
чувствовала порезы на ногах.

-- Бросаю! -- завопил Гаттер. Псинтер
услышала лязганье металла о металл, а
затем хриплый

звук взрыва одной из ручных гранат,

которые они смастерили из топлива для
резачек и

натянутых кристаллов.

-- Прикрываю! -- завопил он опять. И снова
лазерный огонь. Тупой тужлан. Он раздвинулся
от

гордости, когда узнал, что его бригада
будет сопровождать женщину к Королю, и
всю дорогу

бежал и орал, не обращая внимания на ее
приказы. Если только они останутся в
живых,

Псинтер хотелось бы повесить его за
яйца прямо с Королевского...

Слишком поздно. Гаттер решил не идти
по ее следам, а вместо этого пробраться
прямо через

корпус «Висельного паука», и теперь он
визжал и бился в переплетении проволоки,
на

которую не удостоился взглянуть, прежде
чем лезть. На «пауках» была натянута
режущая

проволока с запоминающим сердечником --

потери среди бригад, которые их
разделяли,

были просто безумные -- и когда Гаттер
начал вырываться, она затянулась и
вздернула его.

Кровь начала капать в пыль вокруг его
ботинок.

-- Соберись, -- зашипела Псинтер, -- стой
тихо, чтоб больше не резаться, и стреляй,
пока
можешь!

Признаков того, что он услышал, не было.
Она подумала, не пристрелить ли его, но
это гало

бы преследователям понять, что по
крайней мере один противник еще жив.
Больше никого из
бригады не было видно.

Нужно еще лишь несколько минут.
Псинтер упорхнула в лунные тени, сжимая
в руке ключ к

Моровому Королю.

-- Кладбищенский Храм, вы слышите
меня? Кладбищенский Храм, пожалуйста,

ответьте в

любом гуаназоне. Кладбищенский Храм! Я
-- сестра Гоха Сарелл, я еду в транспорте
Муниторума к вашему местоположению.

Агальбрект стоял на коленях в
пассажирском отсеке транспорта, Киноза
остатривала его, а

Вошени губкой убирал кровь из под
железного обрубка, торчащего из плеча.
Даже попытка

снять куртку становилась агонией. Капли
из аптечки немого приглушили боль, но
заодно с

ней и мысли.

-- Повтори, что они сказали? -- спросила
Киноза, нахмурившись от напряжения. Она
всеми

силами старалась удержать его в
сознании, пока транспорт, раскачиваясь,
сделал поворот по
прямым углом.

-- В... -- рот Агальбректа внезапно пересох.
От шока он терял влагу, но ни у кого не
было с

собой фляги с питьем. -- В эту ночь
Короли снова обретут свои голоса. Не знаю,
что это
значит.

Он снова уронил голову, чувствуя
постыдную радость из-за сухости во рту,
благодаря которой
он мог больше не говорить. Все это
должно было планироваться прямо у них
под носом.

Целый заговор, целая система верований
развивалась, пока он, счастливый, каждые
шесть
часов ходил читать ил проповедь и писал
радостные письма в штаб Миссионарии на
развалинах Высокого Улья. Степень
участия в литаниях и гимнах
воодушевляет.

Демонстрируется позитивная реакция на
аквилу и притчи, выбранные главой
миссии.

Прихожане, по всей видимости, понимают
духовную необходимость в покаянии путем
исповеди и бичевания.

Прихожане устроили вооруженное восстание и объявили четыре боевых машины Архиврага своими Королями. Агальбрект закрыл глаза.

-- Кладбищенский Храм! -- донесся из кабины металлический, искаженный внутренним воксом

голос Сарелл. -- Говорит Сарелл, Агент Сороритас из Органа Пера, любому из персонала

Механикус, который это слышит! У нас есть причина полагать, что этот рейд мятежников

направлен на... Каменных Королей. Ответьте!

-- Что это? -- спросил Вошени. Кинозвук ответил неуверенным мычанием.

Агальбрект, который

подумал, что это была просто очередная нота в его звенящей и полной шорохов голове,

открыл глаза и прислушался.

Через миг транспорт резко остановился.

Вошени и Киноза вскрикнули, Агальбрект
упал

лицом на пол и взвыл от боли.

Но теперь они все слышали это из вокса.
Сарелл молчала, а шум становился все
громче.

Какое-то машинное арго, ответная
трансляция, в которой они ничего не
могли разобрать.

Просто стрекот.

Уопелл стоял на коленях в кабине
Яговитого Короля, тихо переводя дыхание
от усталости,

глядя на мерцающий морозно-голубой свет,
источаемый ключом, и слушая стрекот.

Рядом

лежал гробовик с толстым стволом.
Грубая вещь, явно не с мануфактурта,
похоже, ее тайком

изготовили какие-то сочувствующие
рабочие из реконструкционных лагерей.

Это было по

дущее Уопеллу. Это значило, что еще живы
люди, помнящие старые пути Ашека,

политом тех,

кто услышал кодовые послания и пришел
на кладбище. Пока живы Традиции,
исполняются

Обычаи и изучаются Порядки, Ашек-2 все
еще был собой. Неизбежный Конклав будет
собран

снова. И Асфогель вернется к ним. Уонелл
был уверен в этом.

Он открыл глаза и со стоном привстал.
Мышцы в ноге свело, слишком много он
бегал и

карабкался, а потом долго сидел в холоде.
Обзор из Ядовитого Короля был не лучший.

Большую часть своего существования он
сражался с Каменными Крепостями или
титанами

Легио Темнеста, когда слишком большие
смотровые щели становились лишениями,
или же

уничтожал врага за десятки километров
при помощи своего уродливого гребня из
ракетных

батарей. Тогда вся битва велась

посредством аусников или ракетных
камер, а вид снаружи

только отвлекал. Он выглянул из одной
небольшой защищенной бойницы, хотя на
такой

высоте из нее мало что было видно.

Напротив, всего в километре от него,
возвышался Моровой Король с покатой
спиной и

воротником из ракетных труб, которые
отбрасывали тень на гигантское шасси.
Пусковая

установка на спине, некогда илевишая
гладкие очертания, теперь была изрыта
имперской

бомбежкой. Псинтер уже должна быть
внутри с ключом и топливным
элементом, готовая

создать второе звено в круге.

А третье... Не обращая внимания на
приглушенные звуки стабберного огня,
которые начали

подниматься по лифтовому колодцу,
Цопелл неуклюже подковылял к стене и

наклонился к

другой бойнице. Шагающий Король
вырисовывался на горизонте внушающим
ужас силуэтом,

передняя часть его тела застыла,
откинувшись назад, а все четыре передние
конечности он

держал перед собой, словно борец. Уонелл
слышал о том, как в боях за укрепления

Ступенчатого Прохода Шагающий Король
оторвал башню у сверхтяжелого танка
«Теневой

клинок» и метнул ее в здание управления
пустотным щитом. Рассказывали, что
эта машина

однажды просто оторвала обе руки
питану «Грабитель», который позволил ей
подобраться

слишком близко. Уонелл печально
улыбнулся в темноте. Как чудесно было бы
узреть Королей

пробужденными, отремонтированными,
вершащими вездесудное над шестерней и
аквилрой, но

он никогда этого не увидит. Может, и
удастся прокрасться обратно через
внутренности

Короля и выйти наружу, но ведь ему
поручили проникнуть в Ядовитого Короля,
а тот получил

свое имя не без причины. Широким шагом
этот Король входил в потоки жар-калны,
всасывал

радиоактивный ил, фильтровал из него
драгоценные редкие элементы и
перерабатывал их у

себя в брюхе, в литейных цехах, чья
сложность и компактность доказывала,
что гений

Асфогеля мог создавать не только оружие
разрушения. Через эти самые цеха Уонелл
забрался

в сердце Короля. Ему пришлось ползти по
конвейерам для перевозки минералов и

протискиваться через фильтровальные
шахты, и теперь он был весь покрыт
токсичными

металлами и пронизан радиацией.

Кажется, пальцы на руках и ногах уже
начали неметь. Он
сомневался, что протянет хотя бы
неделю.

Но как он мог быть несчастлив? Как
можно было сожалеть, что он не доживет
до того дня,

когда Короли вновь будут ступить по
земле, когда сейчас, здесь он совершил
деяние,

благодаря которому стало возможным их
пробуждение? Слабая улыбка Ёопелла
обрела силу,

расширилась и превратилась в радостный
стех. Его синий ключ затерцал зеленым,
когда из

кабины Морового Короля пришла
трансляция от Псинтер, а когда
перестрелка внизу стала

такой громкой, что он начал слышать
прикошеты и ощущать запах дыма,
появились красные

вспышки -- трансляции из Шагающего
Короля. Стрекот усиливался и множился

по мере того,

как распространялся по контуру, созданному разумами трех Королей. Они сделали это.

Ўопелл подошел к люку в полу и посмотрел вниз как раз вовремя, чтобы увидеть оранжевую

вспышку ручной гранаты. От ударной волны он покачнулся назад, и стрекот в ушах стал

глуше. Он одобряюще кивнул, взялся за крышку люка, подтащил ее к отверстию и закрыл.

Крепления были примитивными, но Ядовитый Король был первым из тех, что создал здесь

Наследник, и наиболее функциональным. Ковинг, разумеется, оставил самого огромного себе,

но в этот момент Ўопеллу не хотелось злиться даже на этого ублюдка. В конце концов, они

это сделали.

Ўопелл проверил, заряжен ли дробовик,

затем загнал его приклад в стопорное колесо, чтобы

заблокировать его. Он встал так, чтобы тело упало на колесо и придавило люк, затем

потянулся к спуску. Цонелл все еще улыбался, когда выстрел выбил весь стрекот из его головы.

Стоило только попытаться запрокинуть голову, и Агальбрект застонал от боли. Но все же у

него оставалось достаточно сил, и он продолжал ковылять к Кладбищенскому Храму вслеп за

Сарелл. Здание впечатляло, хотя и расплывалось у него перед глазами: серый, залитый светом

прожекторов зиккурат, увенчанный тяжелой железной Машина Опус и короной из

решетчатых радиомачт. Именно на них и начала отчаянно махать рукой Сарелл, едва

приблизилась к двум агентам, что
смотрели на них с вершины
церемониальной лестницы.

-- Дапрокк! Кто из вас технопровидец
Дапрокк?

Удивление, с которым двое в красных
капюшонах переглянулись друг с другом,
вероятно,

просто потерпелось Агальбректу.
Однако один из них, чья мантия и капюшон
были более

светлого, алого цвета, спустился им
навстречу. Лицо технопровидца скрывала
тень, и было

видно только четыре таленьких
фиолетовых огонька глаз.

-- Технопровидец? Это ведь с вами я
разговаривала по воксу? Вы не
подтвердили, что

слышали то же, что и мы. Вот,
слышите?

Позади них стоял транспорт с открытой
дверью, и оттуда явственно доносилась
странная

трансляция, стрекочущая сквозь занавес
статистики. Сарелл махнула рукой в сторону
источника
шума.

-- Пожалуйста, подтвердите, что вы
можете это слышать.

Для человека, занимающегося
переговорами и языками, Сарелл слишком
уж сильно напирала

на облаченного в мантию собеседника, но
ответ того был совершенно спокойным.

-- Наш трансмеханик сейчас оценивает
сигнал согласно таинствам ее органа,
которые я не

буду обсуждать. Сигнал оценивается как
не представляющий угрозы для нашей базы
и, без

сомнения, для вас. Также будет выяснено,
имеет ли он отношение к тяжёлым
действиям,

произошедшим сегодня. Эти действия в
данный момент берутся под контроль.
Нет причины

для нетерпения, сестра, -- Дарокк,

очевидно, только сейчас заметил, что

Сарелл буквально

переступает с ноги на ногу. -- Мы можем
перейти к лечению ваших раненых в
качестве

проявления гостеприимства одного
Оргена к другому.

-- Нет! -- крикнула она в лицо
технопрови́дцу достаточно громко, чтобы
тот отшатнулся и

поднял руку. -- Джерс, объясни ему!

-- Короли снова обретают свои голоса, --
прохрипел Агальбрект. Светящиеся глаза
перевели

взгляд на него. -- Это не что-то...
безвредное. Они что-то делают с
Королями.

-- При анализе первичный источник
сигнала может совпадать с... -- Данрокк
сделал еще один

шаг назад, когда Сарелл вновь прервала
его.

-- Вам не надо... -- практически
ощутимым усилием она взяла себя в руки. --

Магос, вам не

надо анализировать сигнал. Его надо
заблокировать. Сейчас. Происходит нечто,
что мы не

можем контролировать. И нам нужно
взять это под контроль. Агальбрект
слышал, как

лжатежники говорили о Королях, которые
снова обретут голоса. Наши люди
преследовали

лжатежников, которые пробивались к
Королям. Они знают о вашем корабле, о
«Могильном
камне».

-- «Могильный камень»! Они устроили
заговор против него? Против магоса Тея?

-- Против того сановника, которого вы
хотите привезти для изучения кладбища,
сэр. И они

оказались куда способнее, чем мы думали,
и теперь они в Королях, и мы не знаем,
что они там

собираются делать.

Руки Дарокка и гендрит, изогнувшийся

наг его головой, телько, невольню
подерживались.

Agent в более темной мантии все так же
недвижимо стоял на вершине лестницы. К
нему -- или

к ней? -- присоединилась другая фигура,
коренастая, с толстыми ногами и
странным

металлическим горбом, торчавшим выше
головы. Ни один не произнес ни слова.

-- Вы можете гарантировать, что
«Могильный камень» не находится в
радиусе поражения

какого-либо оружия, которое они могут
снова оживить? Или что эта трансляция
настолько

безопасна, что можно просто позволить
ее продолжаться? У нас нет ни сил, ни
умений,

чтобы прервать ее из транспорта, но у
вас есть эти радиоантенны и
трансмеханик, -- Сарелл

глубоко вздохнула и сделала еще более
глубокий поклон. -- Технопровидец,

пожалуйста.

Примете ли вы во внимание то, что я вам сказала?

Фиолетовые огни под капюшоном смотрели на нее как будто целую вечность.

Все закончилось не совсем так, как ожидал Ковинг Шек.

К тому времени, как он добрался до Шагающего Короля, он остался один. Большая часть его

людей растратила свои жизни в насех организованных засадах, которые должны были

замедлить преследователей, а остальные укрылись в ряду разбитых «Моровых шаров» и

устроили яростную перестрелку со взводом охраны Механикус, которые прибыли на перехват

из Кладбищенского Храма. Под взрывом двух последних ручных гранат Ковинг запрыгнул на

леса вокруг задних ног Короля,

проскользнул внутрь через дыру, оставленную плазмой, и начал пробираться через внутренние отделения на ощупь, по памяти.

Шагающего Короля взяли штурмом, не бросили и не расстреляли, и все его люки были

вырваны. Как-либо обезопасить путь за собой было невозможно. И теперь, когда он справился

с опьяняющим чувством, которое вызвали у него три цвета, горящие на панели трансляции,

Ковинг решил вернуться и дать бой. Он позволил себе лишь краткий взгляд из окна на

последнее сокровище, которое обещала эта ночь, и с трудом сдержал желание пустить слезу:

величайшее творение Асфогеля, могучий Наследный Король, и его великоленные шипы и

башни, окруженные мусором, облапанные шестереночниками и орлолюбями и...

Но он помнил о своем достоинстве. Ковинг обладал статусом и был одним из немногих, чья

родословная позволяла брать в качестве личного знака часть имени этого мира. И не нашлось

бы смерти, более подобающей его рангу. Но для этого не следует отвлекаться от того, что он

должен сделать. Ковинг перезарядил автоматический пистолет и взвесил в руке наплечную сумку с

гранатами.

Стрекот вновь ускорился, к нему прибавился тонкий писк, а затем басовая нота. Часть этого

когда написал сам Ковинг, он же заставил Псинтер очистить и заново скопировать его.

При этом он черпал информацию из тайн, которые вписали ему прямо в глубинную память и

которые он едва ли мог сознательно вспомнить. Теперь код попал в разум

Королей и начал

собираться в матрицу, которую заложил в них сам Асфогель. Какими концепциями, какими

уровнями логики и не-логики мог оперировать этот гений? Ковинг снова взглянул на панель

трансляции. На ней все еще горело три цвета: все три мозга Королей параллельно обрабатывали возрастающие объемы кода. Сигнальные огоньки на энергетическом блоке,

который он подключил к передатчикам кода, все еще зеленели. Блок мог работать еще час.

Сможет ли Ковинг столько времени удерживать имперских захватчиков? Он мог попытаться.

А затем нежная песнь матрицы была обезображена. Отвратительные вопли помех вырвались

из передатчика и смешались с трансляцией Ковинга. Он стоял так притерно секунду с

повисшим в руке пистолетом и
открытым ртом и глядел, как огоньки на
великом ключе

мигнули, на миг угасли и снова ожили, с
трусом пытаясь вернуться к прежнему
ритму. Теперь

в стрекоте появился визгливый диссонанс,
переплетающийся с трескучей синкопой,
которой,

как знал Ковинг, не должно было быть в
коде. Сигнал пытались заглушить.

Одним прыжком он вновь очутился у
консоли, но что можно было сделать? Как
они могли

подготовить контрсигнал? Как они
могли? Ковинг громко зарычал и с размаху
ударил себя

кулаком в зубы. Сконцентрируйся.
Действуй, как погодно твоему статусу.
Винить себя -- это
для тех, кто слаб.

Что можно сделать? Об
импровизированном создании нового кода
не могло быть и речи.

Изменить частоту? Как он тогда
сможет довести сигнал до Псинтер и
Цопелла, если они

вообще еще живы? На секунду
заблокировать код? Попробовать вписать в
него указания?

Ковинг, не осознавая, что тихо стонет от
паники, начал шарить по консоли в
поисках нужных

систем управления.

Все закончилось славной битвой в залах
Шагающего Короля. Все закончилось тем,
что его

тальный трюг стал частью великого дела, и
Каменные Короли снова пошли по земле.
Все

закончилось не так, не этими подлыми
красными мантиями и их грязными...

Выстрел из хеллгана превратил в кратер
шею и затылок Ковинга Шека, и
взрывчатый снаряд,

попавший в поясницу, швырнул его вперед.
Он ударился лицом о консоль и медленно
осел на

кафедры. К тому времени, как он сполз на колени, на командный мостик уже ворвались

гвардейцы. Удар сапога отбросил тело Ковинга в сторону. Хаффит вырвал огромный ключ из

передатчика кода, наступил на него и переломил нагвое, и через тиз стрекочущий звук

перешел в писк и затолк.

-- Выяснила ли трансмеханик, чем являлся этот сигнал?

-- Нет, магос, -- ответил Дапрокк. Ветер развевал его красный плащ. Они стояли вгвоем под

Машина Опус на вершине храмового зиккурата и использовали вокальный способ общения --

из-за ветра его сложнее было уловить вокс-ворат.

-- Мы... избрали план действий, случайно совпавший с тем, который другие Agentyc... так

вышло...

-- Вы воспользовались их советом, технопровидец. Не надо притворяться, что вы этого не

делали. Я наблюдал за вами, помните? Я вас не виню.

Руки Дапрокка чуть дернулись.

-- Не зная, чем являлся сигнал, -- продолжал его собеседник, -- мы не можем сказать, было ли

предотвращено то, для чего он предназначался, или нет. Мы -- часть куклы, что воспринимает

любой пробел в знании как вызов, и все же это -- особенно важный вопрос.

-- Сестра, похоже, решила, что целью этого нападения было использование трех наиболее

функциональных Каменных Королей в качестве оружия против «Ратон-Инкалькюлят», --

прискинул Дапрокк. -- И даже против вас, сэр. Первоначально целью делегации была встреча с

вами, но в то время, когда Агентство

отправились в путь, они, очевидно, считали, что вы все еще на борту «Могильного камня».

-- Даже они теперь используют это прозвище, да? -- Дапрокк не знал, как на это ответить. --

Неважно. Не думаю, что это как-то может повлиять на мои планы, технопровидец Дапрокк.

Кроме одной детали. Пожалуй, пора их немного ускорить. Когда трансмеханик завершит свой

текущий аналитический цикл, попросите ее, пожалуйста, создать зашифрованный канал связи

с капитаном Тобином.

Дапрокк сотворил знак шестеренки, проговорил формальное, хоть и слегка торопливое,

приветствие и поспешил к лифту, на ходу направляя ноэтические послания в распределители

храма. Второй магос, облаченный в пыльную мантию скорее бюроого, чем

красного цвета,

смотрел, как он уходит. Успешное подавление сигнала нисколько не облегчило его мысли.

Он обошел вокруг скульптуры, построил зрение под свет прожекторов и поднял взгляд на

Короля, в который не удалось проникнуть мятежникам. Колоссальный, изрытый выстрелами

нос и увенчанный шпилями мостик Наследного Короля вырисовывались на святилищем в темноте.

-- Не такого приема я ждал, -- пробормотал магос-нарралакт Калхолин Тей. -- Что же будет дальше?

Глубокая ночь на кладбище. Темнота и тишина на мостике Наследного Короля. Здесь не

слышно, как пыльный ветер ударяется об окна, и опущенные боевые заслоны ограждают

маленькую треугольную катеру от
нежного света луны Ашека. Высокий трон,
где восседал

Асфогель, шифровальный пульт, за
которым он создавал свои секретные коды,
кафедры, с

которых его военачальники командовали
этим Королем и передавали его приказы
армиям, --

все это теперь опустело и окутано
тьмой.

Нет огней на контрольных панелях. Ни
движения инструментов, ни цвета, ни
звука от

сигнальных устройств. Нет катушек с
распечатками данных. Нет светящихся
рун. Нет
энергии.

Почти нет. Глубоко в ядре системы,
которую победители Короля сочли
неактивной, все еще

жил маленький теплый червячок
электричества. Услышав зов Морового
Короля, он

пробудился, изогнулся и заискрился на долю секунды, чтобы принять трансляцию от

Ядовитого Короля. Наконец, меньше, чем за мгновение, произошла загрузка информации,

которую скопировали между собой разумы трех иных Королей. Только мгновение, прежде

чем от лачт машинных святилищ поднялся удручивый туман из визжащих помех, но этого

хватило.

Полгода, с тех самых пор, как Асфогель убежал из этой камеры, потайные нейроматрицы,

захороненные в глубинах мозга Короля, не функционировали и оставались пустыми. Чистая

бумага, незасеянное поле.

Теперь закрипело перо. Теперь упали семена.

Во тьме, окутывающей сердце Наследного Короля, начал пробуждаться разум.

